

Г. Н. Манаенко
Ставрополь, Россия

ДЕФОРМАЦИИ «ОБРАЗА КАВКАЗА»
В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ
РОССИЙСКИХ СМИ
И ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ, или
О ПОЛЬЗЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

ГСНТИ 16.21.27

Аннотация. В статье анализируется соотношение «событие – ситуация – пропозиция – факт» и отмечается роль языкового воплощения в представлении событий и формировании картины мира.

Ключевые слова: событие; ситуация; пропозиция; факт.

Сведения об авторе: Манаенко Геннадий Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка.

Место работы: Ставропольский государственный педагогический институт.

Контактная информация: 355015, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417а.
e-mail: e-mail: manaenko@list.ru.

G. N. Manaenko
Stavropol, Russia

DEFORMATION OF THE
«IMAGE OF THE CAUCASUS»
IN THE CONTEMPORARY MASS MEDIA
DISCOURSE OF RUSSIA
AND IN PUBLIC CONSCIOUSNESS, or
ABOUT THE USE OF POLITICAL LINGUISTICS

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The present paper analyzes the correlation "event – situation – proposition – fact" and points to the role of language realization in events representation and the worldview forming.

Key words: event; situation; proposition; fact.

About the author: Manaenko Gennady Nikolaevich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the Russian Language.

Place of employment: Stavropol State Pedagogical University.

Политическая коммуникация не только передает информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие на адресата, преобразует существующую в сознании человека политическую картину мира.

А. П. Чудинов. Политическая лингвистика

События, происходившие на Кавказе в последнее десятилетие прошлого века и первое нового, уже стали историей, закрепились в качестве фактов в отечественном информационном пространстве. Как следствие, утвердились и соответствующие стереотипные корреляции в общественном сознании: Кавказ – «горячая точка», кровопролитные межнациональные конфликты, война.

На Ставрополье в печатных материалах и эфире практически все это время ставились вопросы безопасности. При этом почти в обязательном порядке упоминался Буденновск и говорилось о том, что фактически жители края находятся в «прифронтовой полосе». Но ведь войны-то сейчас уже нет, хотя и есть постоянная террористическая угроза. Безусловно, особенности представления «картины мира» в дискурсе отечественных СМИ (региональные СМИ здесь не являются исключением) обладают огромной «фильтрационной» силой, закрепляют в общественном сознании строго определенный стереотип восприятия истинных событий. И в этой связи надо отметить, что метафора «война с терроризмом» не так безобидна, как кажется на первый взгляд, потому что она искажает действительное положение дел. То, что данная метафора именно искажает сущность происходивших и происходящих событий, позволяет определить когнитивно-дискурсивный подход к феноменам языка и речи, при котором «исследователь стремится выявить взаимосвязи между метафорами и факторами,

которые обусловили их востребованность. В этом случае метафора воспринимается не как автономный феномен, а как естественная часть нарратива, который понимается как некоторое множество текстов, связанных с определенной политической ситуацией или с определенными политическими представлениями, с определенной политической позицией» [Чудинов 2003: 170–178].

Проиллюстрируем данное положение. Так, после очередного теракта в Махачкале в телевизионном эфире на разных каналах в репортажах сообщалось о жертвах среди военных и мирного населения, кстати, об этом же говорилось несколько лет назад и во время трагедии в Нальчике.

Данные антонимические противопоставления не просто режут слух, но и являются некорректными: в таком контексте оппозиция *военный – мирный* строится на основе понятия *война*. Таким образом в нашем информационном пространстве неявно (а фактически через неточное использование слов, намеренное или ненамеренное – это уже другой вопрос) утверждалось представление о состоянии войны в северокавказских республиках Российской Федерации. Однако исходя из лексических значений слов, *мирные* жители могут быть только на территориях, где ведутся боевые действия, и даже объявление войны терроризму государством не превращает его *граждан* в *мирное* население, т. е. *не выступающее с оружием в руках* на одной из противоборствующих сторон.

В результате же террористических актов жертвы могут быть не только среди военных, т. е. военнослужащих, но и гражданского населения, иначе говоря, *невоеннослужащих*.

Причин подобного весьма безответственного (да и безнравственного) представления событий, на наш взгляд, несколько, и самая явная – инерционный перенос модели освещения гражданской войны, до недавнего времени происходившей на территории Чеченской республики, на другие регионы Российской Федерации:

Нет необходимости идеализировать противоборствующие стороны, на каждой из них невинная кровь: расправы над пленными, грабеж мирного населения, заложники и прочее стали атрибутами Гражданской войны в России. [Вадим Телицын. Гражданская война: переосмысливая известное // «Знание – сила», 2003]; В Чечне для мирного населения уже стерлась разница между армией и боевиками [Анна Политковская. Страх по расписанию // «Новая газета», 2003.01.30]*.

Только сейчас, когда в Чеченской республике восстановились конституционные нормы, можно и следует говорить о контртеррористических операциях, проводящихся на ее территории как полноправном субъекте Российской Федерации (как известно, активность террористов в настоящее время проявляется в большей степени в других республиках – Ингушетии и Дагестане), а также о гражданском населении, страдающем от действий бандформирований. Более того, десятилетнее молчание СМИ (на наш взгляд, преступное) о том, что жители Чечни – граждане России, способствовало укоренению представлений об этой войне как не гражданской, а о самой республике как другой стране (кстати, отсюда – и две «чеченские кампании»):

Если во время первой кампании террор был направлен в основном против мирного населения соседних республик, причем террористы стремились «покривляться перед телекамерами, а затем улизнуть без особых потерь», то сейчас они просто убивают, не делая никаких политических заявлений и не разбирая своих и чужих [Прекрасное – далеко // «Профиль», 2003.05.19]; Да, параллельно необходимо решать вопрос – не побоюсь этого слова – пропаганды непосредственно среди мирного населения – в Чечне выросло поколение детей, которые разбирают автомат гораздо лучше, чем шариковую ручку [Светлана Бабаева. Михаил Лесин: «Террористы имели четкий медиа-план» // «Известия», 2002.10.31].

Подобные взгляды и представления при массовом тиражировании, в том числе и в ре-

гиональных СМИ, разрушающие не только единство информационного пространства государства, но и его территориальную целостность, были свойственны, к сожалению, и отечественным политикам:

Для этого нужна огромная база данных спецслужб, а для этого нужны точечные операции профессионалов, когда они идут и знают, где находятся реальные террористы, каким образом их взять, и как это сделать таким образом, чтобы не затронуть интересы мирного населения [Ирина Хакамада. Интервью // «Эхо Москвы», 2003.07.06]; Но вот Миронов неожиданно для него, хотя и негромко, заговорил об акциях российских военных в отношении мирного населения Чечни [Валерий Выжutowич. Игра в полузащите, или Судьба омбудсмена // «ПОЛИТКОМ.РУ», 2003.05.29].

В данном случае мы сталкиваемся 1) либо с «языковой» глухотой или полной безответственностью за свои слова, 2) либо (что заставляет говорить о нашей с вами информационной безопасности) с проявлением чуждой нам интерпретации событий действительности, а не просто языковой небрежности:

1) *Вот они, четкие указания в виде сюжетных перипетий и режиссерских решений: чечены – бандиты, мирное население сдали в заложники, на войне – как на войне, скоро всей вашей «Америке» – кирдык [В условиях реального времени // «Культура», 2002.03.25]; И в целом – путем резкого улучшения качества действующих в Чечне федеральных войск и сил, централизации административного управления, повышения уровня восстановительных и гуманитарных программ, пресечения преступлений против мирного населения [Все же это выход. Обратная связь // «Известия», 2002.10.29];*

2) *Неугомонная газета «Монд» опубликовала большую подборку материалов, призванных убедить читателя в продолжающемся насилии Российской армии против чеченского мирного населения [Эльмар Гусейнов. Жак Ширак отделил Ирак от Чечни // «Известия», 2003.02.10]; Все прежние постулаты и заученные политкорректные фразы («война с мирным населением», «непропорциональное применение силы», переговоры с «законно избранным президентом» Масхадовым) сегодня безнадежно устарели [Максим Юсин. Новый взгляд на Чечню. Греки призвали Евросоюз относиться к России «с большей терпимостью» // «Известия», 2001.10.03].*

В качестве же действительно политкорректных и соответствующих российской точке зрения высказываний о войне и ситуации в Чеченской республике можно рассматривать следующие слова других известных политиков:

Цена войны – это не только деньги, но и убийство мирных людей, колоссальные страдания гражданского населения, по мне-

* Цитирование примеров осуществляется на основе данных Национального корпуса русского языка.

нию очень многих специалистов – резкий всплеск терроризма по всему миру, рекрутирование в ряды террористических организаций и привлечение к различным экстремистским акциям молодых людей, это маргинализация ООН, новые попытки распространения оружия массового поражения [Григорий Явлинский. Эффективней, чем война // «Известия», 2003.01.11]; «Сам способ совершения преступления, каналы, источники финансирования, снабжения, а главное, то, что преступления направлены против **гражданского мирного населения**, убеждает нас в том, что бандиты, орудующие в Чечне, являются частью международной террористической сети», – сказал президент [Резкое заявление Владимира Путина: «Террористов нужно выковыривать из подвалов и пещер и уничтожать!» // «Санкт-Петербургские ведомости», 2003.05.26].

Таким образом, как видно из приведенного анализа, тиражируются и закрепляются в информационном пространстве и общественном сознании совершенно *разные* факты. Тем самым подтверждается, что корреляции *событие – факт* и *факт – оценка*, как и их составляющие, приобретают особую значимость для политической коммуникации, проявленной в различных институциональных дискурсах. Не менее существенной предстает и проблема объективности, безусловности и достоверности факта по отношению к событию и его оценке в информационном пространстве, генерируемом СМИ. События же, произошедшие в начале августа 2008 года на Кавказе, а точнее, их представление и закрепление в информационном пространстве, вновь побуждают к теоретическому осмыслению данных корреляций, поскольку, к сожалению, год спустя не только в отечественном дискурсе масс-медиа, но и в научном (см. [Красильникова 2008]) актуализировались и превагируют в качестве номинации «факта действительности» выражения «российско-грузинский конфликт» и «российско-грузинская война», что является свидетельством проигрыша в информационной войне.

Почему же принципиально важно учитывать особенности языкового воплощения происходящих событий и почему, к примеру, стала возможной антироссийская пропагандистская кампания, а в информационном пространстве Европы и Америки реанимировался образ России – «империи зла»? Чтобы ответить на данные вопросы, следует прежде всего отказаться от понимания *факта* как явления действительности.

Н. Д. Арутюнова убедительно аргументировала и доказала следующее положение: «Представление о том, что факты первичны, а суждения, о них сделанные, вторичны, ошибочно» [Арутюнова 1999: 491]. Иными словами, события наполняют собой действительность, говоря о них, человек превращает их в факты.

При этом необходимо учитывать, что окружающий мир представляется человеку не в хаотическом континууме, а как последовательная смена своеобразных комплексов ситуаций. В связи с чем В. А. Звегинцев писал: «К ситуации следует отнести и все то, что вокруг человека, и все то, что находится в его сознании, «внутри» человека. ... Короче говоря, ситуация – это все, что может быть содержанием коммуникативного процесса. Именно в этом смысле ситуация глобальна. Однако только в этом смысле. Но мир действительности – не ситуация. Это мир действительности, не прошедший через человеческое сознание» [Звегинцев 1996: 188]. Следовательно, в корреляции *факт – событие* появляется среднее звено – *ситуация*. Ситуация – это взгляд человека на событие, ракурс представления в сознании человека «действительного, невымышленного происшествия, события, явления». Для того чтобы ситуация приобрела другие свойства факта, данные в его дефиниции, она должна получить языковое воплощение, которое, войдя в мир дискурса, позволит ситуации, выделенной в событии, стать «твердо установленным знанием, данным в опыте» и разделенным другим. Репрезентация ситуации как ментальной презентации возможна на основе *пропозиции*.

Справедливо утверждается, что мы видим мир в модальности субъекта, поэтому пропозиция – это отнюдь не «положение дел» в действительности, а «взгляд» говорящего на действительность, так как именно он создает ситуацию, выбирая глубинный предикат. Таким образом, пропозиция есть результат номинации и является семантической структурой, обозначающей ситуацию, т. е. событие (*со-бытие*) в представлении говорящего. Следовательно, корреляция *событие – ситуация – факт* неизбежно трансформируется в корреляцию *событие – ситуация – пропозиция – факт*.

Мир дискурса – это онтология языка и фактов, именно здесь и вычленяются «денотативные» («реальные») ситуации, соотносительные с языковыми высказываниями, и сущности связываются определенными отношениями лишь благодаря предметно-практическому опыту человека. Именно поэтому одной ситуации соответствует одна и та же пропозиция, а то, что находится вне человека, действительно представляет фрагмент континуума внешнего мира во всем многообразии объектов, их свойств и отношений между ними – то или иное *событие*. Из чего следует, что онтология события – действительность (внешний мир), онтология факта – истинные суждения о действительности (внутренний мир). Но не просто суждения, а суждения истинные для определенного национального лингвокультурного сообщества. Объективируются факты в различных типах дискурса, вследствие чего также можно утверждать, что онтология фактов – это мир дискурса.

Именно поэтому вполне возможны в массовой коммуникации «переименование» событий или замена одних фактов другими. Дискурсивная природа факта объясняет и феномен актуализации тех или иных фактов в информационном пространстве, а также либо соотносимость фактов с разными ситуациями (соответственно, при неразличении *ситуации и события* – разными «событиями»), либо вообще возможность исключения факта, а значит, и события из информационной картины. Следовательно, можно говорить о проблеме *выбора* факта и его закреплении в информационных потоках, что и придает факту характер предварительной *оценки*, обусловленной интенциями и социальными позициями «создателя» факта.

Из реального события «извлекаются» только такие факты, которые выгодны инициатору информационной войны. По мнению С. Г. Кара-Мурзы, «ложь через умолчание является сегодня в общественной жизни явлением постоянным и обладает высокой интенсивностью [Кара-Мурза 2001: 562]. Именно поэтому прошлогодние события в Закавказье чаще номинируются словом *конфликт*, предполагающим двух и более участников (так Россия предстала *обязательной* стороной в вооруженном противостоянии) и оставляющим за пределами информации о данном событии *факты* военной агрессии и политики геноцида целых народов, осуществленных режимом Саакашвили, который был идентифицирован в информационном пространстве стран Северной Америки и Европы в качестве поборника демократии.

Между тем, как отмечает Г. Г. Почепцов, «вбрасываемая в массовое сознание сконструированная информация формирует схемы восприятия иных последующих сообщений. Им уже труднее пробиться, поскольку сформированы определенного рода информационные фильтры» [Почепцов 2000: 137]. Инерционность массового сознания – условие, позволяющее в целях пропаганды апеллировать к прошлым символам, к которым массовое сознание относится уже как к базовым, маркирующим определенную картину мира. В этой связи У. Матурана совершенно справедливо писал, что «никого и никогда нельзя убедить рациональными доводами в истинности того, что в конечном счете уже не присутствует в неявной форме в комплексе верований этого человека» [Матурана 1996: 140]: с укорененной точки зрения любого европейского или американского обывате-

ля, не может «демократическое» правительство Грузии стать агрессором и физически уничтожать целые народы – вот почему из реального события выделяются другие ситуации, языковое выражение пропозиционального содержания которых позволяет совершенно иначе не только сформировать и подобрать факты, соотносимые с данным событием, но и «фактически» (прошу простить за игру слов – Г. М.) дать ему оценку.

В результате подобного подбора и языковой репрезентации фактов создается основа для более циничных манипуляций массовым сознанием и откровенной лжи, которая превращается в безусловные факты, формирующие не только «сиюминутную» картину мира, но и историю. Поскольку же основная цель политической лингвистики – «исследование многообразных взаимоотношений между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества, что создает условия для выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности» [Чудинов 2006: 8], представляется очевидным, что когнитивно-дискурсивный анализ политической коммуникации является мощнейшим механизмом противостояния информационной агрессии и навязыванию как спекулятивной «политической картины мира» в частности, так и деформированного «образа мира» в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999.
- Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике. – М.: Изд-во МГУ, 1996.
- Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
- Красильникова Н. А. Российско-грузинская война в дискурсе общественности на интернет-сайтах Великобритании // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2008. Вып. (3)26.
- Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. С. 95–142.
- Почепцов Г. Г. Информационно-психологическая война. – М.: СИНТЕГ, 2000.
- Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – Москва: Флинта; Наука, 2006.

© Манаенко Г. Н., 2010